

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович

**Драматические сочинения
Григория Квитки Основьяненка.
В 2 томах**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Федорович К.**
Драматические сочинения Григория Квитки Основьяненка. В 2 томах: Том 1 / Квитка-Основьяненко Григорий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 341 с.

ISBN 978-5-519-88783-0

ISBN 978-5-519-88783-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ШЕЛЬМЕНКО.

ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ.

КОМЕДИЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГУБЕРНАТОРЪ.

Порошковскій, членъ врачебной управы.

Секретарь рекрутскаго присутствія.

Чаркодзевъ, повѣтчикъ.

1-й писецъ.

2-й писецъ.

Трофимычъ, волостной голова.

Шельменко, волостной писарь.

Никита Михайловъ, крестьянинъ.

Степанида, мать его.

Софронъ, крестьянинъ.

Бутылочкинъ, трактирщикъ.

**Унтеръ-офицеръ, просители крестьяне и крестьянки,
солдаты и слуги трактира.**

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

ШЕЛЬМЕНКО.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простая изба. Разсвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИКИТА *въ цѣпяхъ сидитъ у стола, на которомъ лежатъ хлѣба, кружка и догорающій свѣча. У дверей СОФРОНЪ и КРЕСТЬЯНЕ спятъ прислонясь къ стѣнѣ, въ рукахъ дубины.*

Никита, *вздыхаетъ и поломчавъ.* Вотъ ужъ и развѣтаеть, а я и глазъ не смыкалъ! Чтó то со мною будетъ? Тоска нестерпимая! Говорятъ люди, что только и житья, что богатымъ, что имъ всё удастся, что всё ихъ уважаютъ.... *(схватываетъ цѣпь)* Вотъ какъ уважаютъ! За что на меня такая напасть? Не придумаю. Что я кому сдѣлалъ?... Эхъ! кабы я былъ одинокъ! Послужилъ бы Богу и государю вѣрой и правдою, со всѣмъ усердіемъ и охотою; все свое имущество раздалъ бы бѣднымъ, роднымъ и чужимъ... Но матушка! На кого мнѣ ее покинуть? *(плачетъ)* Въ

бѣдѣ найдутся и враги и обиралы: доведутъ ее, мое сердечушко, до нищенской сумы... А постигнетъ болѣзнь, въ старости.... Кто ее присмотритъ? (*болѣе плачетъ*). Кто ее успокоитъ? Кто (*горько зарыдалъ*), кто закроетъ ея глаза? О матушка моя! Родная моя! Одну ты имѣла на свѣтѣ радость, и той тебя лишили, и не дали несчастному сыну твоему принять послѣдняго благословенія...

Софронъ, *между тѣмъ проснувшійся*. А! Ну, что ты, Микита? Знай всё плачешь? Слезами ничего не поможетъ. Терпи!

Ник. Хорошо бы и терпѣть, да и на все идти, кабы я одинъ былъ; но какъ вспомню про родную, да подумаю: на какую горькую жизнь она остается, такъ вѣришь ли? Господи прости! самъ бы на себя руки поднималъ! Ты, Софронъ, чай былъ на сходкѣ; скажи мнѣ, Мироновичъ, на милость: за что меня присудили въ отдачу? Недоимка за мной не числится, общественная работа не стоитъ; я одинъ отъ отца, дядья сами по себѣ, и служба за ними есть уже. За что меня приговорили?

Софр. А кто тебя знаетъ! На сходкѣ я не былъ; а знаешь, за чѣмъ? за тѣмъ, што на тебя и сходки-та не было. Тебя отдають такъ на чисто: уршла бамага — вотъ и всё тутъ. Кто тебя знаетъ, я не знаю.

Ник. Бумага? Стало же, отъ начальства? А я родясь, кромѣ капитанъ-исправника, другого начальства и въ глаза не видалъ, и въ городѣ не бывалъ; дурныхъ дѣлъ и по слуху не знаю, не то что бы самому бездѣльничать. Покойной отецъ мой не на то меня грамо-

тѣ научалъ, чтобы я сталъ недобрымъ и негодинымъ, а старался наставить меня на добрый путь.

Софр. Ну, вотъ вишь ли: какой тебѣ путь лучился, такъ и терши. А объ матушкѣ не кручинься; мно дѣло кабы бѣдность, а то не боюсь: проживеть вѣкъ, да и не охнеть вспоминаячи тебя.

Ник. вздыхаетъ и молчитъ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и ШЕЛЬМЕНКО въ тулупъ и шапкѣ; на плечахъ большой войлокъ. СОФРОНЪ торопливо разбуджаетъ крестьянъ, кои вскочивъ, становятся у дверей съ дубинами.

Шельменко, снимая съ себя войлокъ и протирая глаза. О, та й змёрзъ же я цѣлко! Алѣ нічого й не бачу. Та й дрижаківъ наівся. Аговъ! Калавурві! чи все у васъ справно?

Софронъ. Да што? Кажись, всѣ цѣлы и мы — и некрутъ. Вотъ всѣ на глазахъ.

Шельм. отдавая ему войлокъ. Візьми жъ опанчѹ та заховай, та й гляди якъ ока; ато міжъ москалями й несчѹється, якъ стігнуть. А голова бувъ?

Софр. Нѣтъ, не бывалъ еще.

Шельм. Дѣ вінъ тамъ у гаспила блукав! Ще щобъ не вставъ чого на пакість. Відъ москаля усѣго стаетця. *(Подошедъ къ задумавшемуся Никитѣ, садится подле его).* Здоровъ, Микито! Чого бо ти журисся? Оце ще! Гай, гай! не-знать-що ти, голубчику, робишь! Чого такі плакати?

Ник. Какъ мнѣ не плакать, Кондрать Терентичъ?

Шельм. Та такі далебі-що нічого. Не ти одинъ будешъ у службі. Слава тобі Господи! Е салдатівъ по всьому світу тисячі чотирі, коли й не білшъ; не дадуть зажуритись. Годі жъ, годі; гляди веселенько. *(надъ-ваєть на него свою шапку.)* Дивись! який, будучи, съ чорта гарний москаль буде! Э! кинь лихомъ объ землю! Я жъ кажу: тільки й страшно тріхи, поки при-міряють та оглядають; а далі якъ крикнуть: лобъ! такъ де тая й хва́рість візметця! Э, Микіто, Микіто! Ти еси дурень, не знаєшъ свого щастя.

Нив. Какое, дядюшка, счастье?

Шельм. Якъ, якé? Якъ надінуть на тебе, будучи, мундѣръ та позащіпають усюди гапайками, та, тее-то, и сюди китиці и туди китиці, а тутъ, будучи сказа́ть, гудзикъ; такъ такий, ста́ло бытъ, будешъ страшний, що до тебе ні приступу. Та ще, будучи, може въ насъ на селі, тее-то, й на кватері-стоятимешъ; та якъ підешъ по юлиці: шапка на тобі козацька, китиці теліпаютьця, а тее-то, шаблюка у боку тільки: брязъ, брязъ, брязъ! Абó якъ вийдешъ на вечернійці, та якъ утнешъ на шпóрахъ гоцака, такъ, будучи, дівчата усі за тобою, та знай кри-чатимуть: москалю! господá служивий! А ти, будучи сказа́ть, на нихъ и не дивися, тільки, тее-то, покрику-ешъ: аштé, та на штé та пайди геть собѣ! А якъ, будучи, прийдешъ на кватеру, заразъ и кричи: хазійка! давай, тавó, вечéръть паскарѣича! А вона й питаєтця: а чого звóлите, господá москалю? а ти й приказуй, будучи ска-зати: кúрку зварі, дру́гу спечи, яéшню спряжи, та мо-ло́шну кашу до пёрцю, та подавай гарѣлки-ста. Отта́къ-

то, Микіто, й ти, будучи сказати, и ти будешъ. А що? правда моя?

Ник. *не слушая его.* Бѣдная моя матушка! На кого она останется?

Шельм. Та ебъ паньмѣтці не тужі. Вже стало быть якъ намъ її покинути? А, будучи, знаешъ що, Микіто? Я тебе завжди, тее-то, любивъ, мовъ брата ріднесенького, то якъ, будучи сказаць, забриють тобі лобъ, то я однаково у васъ захожий, сирота, ні батька, ні матері; то я, тее-то, візьму її замість матері, и, будучи, вже въ неї й житиму и глядітиму її; а якъ, будучи, помреть, то поховāju, стало быть, ниняче міщанку: дев'ять обідівъ справлю и, тее-то, усіхъ старцівъ нагодую. Коли й ти вернесся, то будемо жити, гми! якъ браті; а коли, будучи, не вернесся, що, нехай Богъ боронять, тебе вб'ють, то я й тебе відпоминаю и, тее-то, и у грѣматку запишу *убиєнного Микіту*. Не журіся жъ, братіку. Бачъ, вже я съ тобою, будучи сказаць, и побратався. Не журіся; твоїй матері буде добре.

Ник. Все такъ, дядюшка; да ты не будешъ ей сыномъ!

Шельм. Та дялебі-що буду! Отъ ей! велике слово! Бачъ, ажъ, будучи, забожівся. Я жъ тобі, стало быть, кажу: що янъ віддамó тебе та вернуся додому, то такъ, будучи, у твою хату мерщій и перейду, та й буду доглядати худоби и, будучи, и матері твоєї. Будь же, тее-товеселєнний. Та якъ, будучи сказаць, приведуть тебе у приводе, то не дивися сторчъ, якъ теперъ дивися; а тамъ, тее-то, веселєнько, мовъ дівчата съ тобою жартують. Та ще, слухай, ось що: якъ стануть тебе у приводі судящі питати, якъ тебе, будучи, зовуть, або-що;

то ти імъ кажи по письмѣнному. Чи знаєшъ, якъ-то по письмѣнному?

Ник. Я теперъ и ничего не знаю.

Шельм. Ось бачъ: тебѣ зовуть Микитою, а ти по письмѣнному кажи, будучи, Микихворъ. Прозиваєся ти, козаче, тее-то, Михайловъ, а по письмѣнному трѣба-нада, стало быть, Минійловъ.

Ник. Да я, дядюшка, пишуся Михайловъ.

Шельм. Егге! та що будешъ робити, коли по справці такъ оказалося! Чи ти читавъ, будучи тее-то — ре-визькві скázky?

Ник. Нѣтъ, дядюшка, я только церковное читаю.

Шельм. А гражданське?

Ник. Только и читалъ, что «путь ко спасенію».

Шельм. А скорѣе утпѣнешъ?

Ник. Нѣтъ, не дошелъ до такой премудрости.

Шельм. Такъ такой-то ти, бачу, письмѣнный! *(смѣется)* Ге, ге, ге, ге! а бодай васъ вийлась! Дивися жъ, голубчику: такъ що жъ то мині зъ невчѣнимъ и толкувати! Ти менѣ, будучи, и не второпаєшъ, що я тобі казатиму. Слухай же, якъ воно є. *(Разводитъ пальцами по столу)*. Ось-осьдечка Михайловъ, а оттутечка Минійловъ; такъ оцѣ, будучи, узавши відъ Михайлова и-хиръ-азъ-ха-ха-ій, та й притулити, тее-то, до Минійлова; а відъ ёго вираати и-нашъ-азъ-на-на-ій, та й залатати дірку, будучи, у Михайлова. Чи розумно тобі? Ось такъ усѣ учѣні роблять: де імъ не до-шми-ги, то й вирвуть, а де кінцівъ не зведуть, такъ тамъ чимъ допада латають. Такъ се вже слідователно, будучи скваать, хоть до якого хочъ дяка піді, то ти, тее-

то, Микитворъ Мінайловъ; такъ и відкликайся, ато якъ панамъ та не по письмѣнному, стало бытъ, скажешъ, то-то росѣрдятця! та ще гляди, щобъ и не налаяли. Эге, зъ панамъ такъ: я вже їхъ дуже знаю. Та й годівъ тобі кажи, будучи сказати, двадцять чотирі.

Ник. Не будетъ, дядя; мнѣ только двадцать.

Шельм. Ні, не такъ. Я жъ самъ, будучи, у мѣтриці читавъ, що тобі, тее-то, двадцять чотирі годя. Та на отъ и самъ подивися, лѹчче всѣго (*подаєть пустую бумажку*).

Ник. Не знаю цифиры.

Шельм. Чогожъ и споришъ, коли нічого не тишишъ! Се вже, будучи, справді инначе на великихъ ~~царяхъ~~ вченихъ, про все спорить, а воно, тее-то, якъ ~~вотъ~~ справді оказується, и граждѣнського не вкусить. (*Смѣется*) О, бодай тебе! (*вставъ*) Ну, тепѣрь, будучи, зовсімъ. Говъ! сторожа! А кѣте-лишій чого поснідати!

Софр. Да гдѣ я тебѣ возьму? Ничего нѣту-тѣ.

Шельм. *осердясь, дразнить его.* Табѣ, табѣ! А ти, будучи, не вмієшъ звичайніше назвати? Се ти не зъ своїмъ братомъ мужикомъ, будучи, вернікаешъ, а бачъ, тее-то, съ паномъ писаремъ; такъ такъ би извеличавъ, якъ тамъ, будучи, кажутъ, дядюшкою, або, тее-то, пане писарю Терѣнтовичъ. Ато зъ дѹру, якъ съ пѣчі. Эка мужикъ! Унесі жъ сюди, будучи, я привізь мѣрзлой тарані, то кѣте сюди, та поснідайте и орестанта нагодуйте.

Ник. Благодарствую, дядя; мнѣ їда и па умъ неидеть. Вотъ и вчерашній ужинъ, я къ нему и не до-

трогивался. Я вотъ все о чѣмъ думаю: за что на меня такая напасть? По какому резонту меня отдають?

Шельм. *важно*. А по такому резонту, що, будучи сирічъ обѣче и поеліку, гмъ, гмъ! тее-то.... та що тутъ базікати: якби ти вмівъ скорописне, то ти бь самъ и прочитавъ, що тутечка написано (*вынимаетъ ту же бумажку*). Слухай, я тобі, будучи, прочитаю: Ме—ме—ме—дѣндеже будучи—ме—ме—ме—можѣху—ме—ме скоропостижно, представить, осьбачь! представить, згѣ! пом-слово-титла-пом, оцѣ-то насъ и заплутало! а, ось-ѣзде: віддѣть у рѣкрути; бачь! у рѣкрути, згѣ! охъ, головонько наша бідная! ану, що дальше: бачь, хотъ самъ читай: нашъ-и-ны, Ны, како-и-ки ки, Никъ, хверть-онъ-хво, хво, Никихво, ерцѣ-азъ-фа, а по верхамъ, Никихвѣра Мінайлова; слідовѣтельно, ~~тутъ~~ справка чистая: тебѣ віддѣть у рѣкрути. Гмъ! такъ що ти після сѣго будешъ робити? се, голубчику, предписаніе відъ начальства; а писаніе глаголетъ: скажи, враже, якъ панъ каже.

Ник. Да не можно ли. дядюшка Кондрать Терентьичъ, какъ нибудь, знаешь? Поклонился бы твоей милости сотенкою.

Шельм. Та що се ти мині говоривъ? мині душа ще й самому згодітця, а не то щобъ за мою брехвю чортѣки моімъ язикомъ, тее-то, мовъ ополоникомъ, випѣячу смѣлу мішали, а менѣ бь, будучи, потрошили на липину для підпалки. Ей, не можу ні узяти, ні тебѣ виводити. Мині тебѣ жалко; такъ отъ самъ бачешъ, будучи, предписаніе (*встаетъ и надъвѣаетъ шубу, въ сторону*). Утікті мерщій, атѣ дуже жалібі-